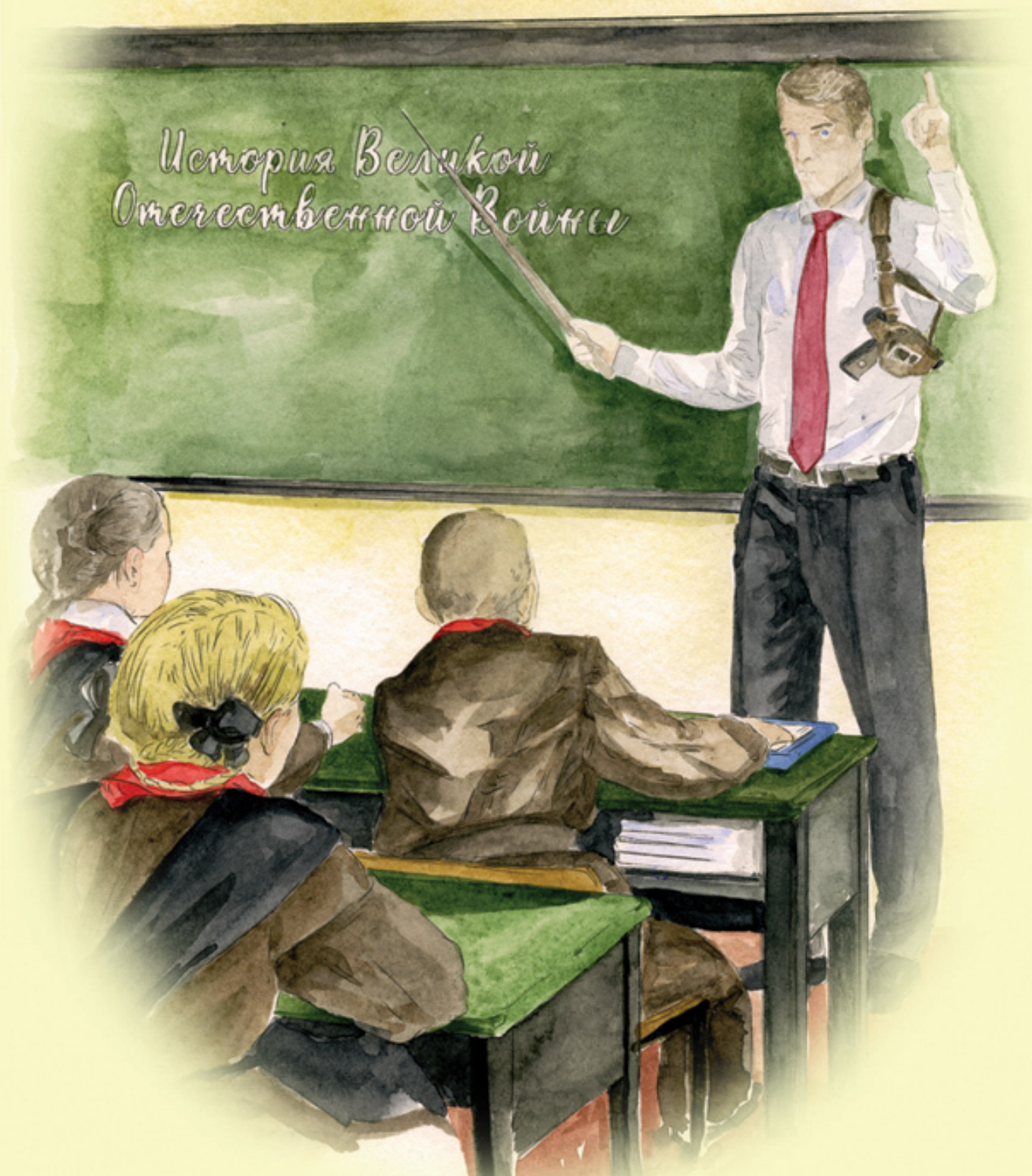

Николай Громобой

ДЕТЕКТИВЫ СТАРОЙ ШКОЛЫ

2021 год

Николай Громобой
Детективы старой школы

«Эдитус»

2021

Громобой Н.

Детективы старой школы / Н. Громобой — «Эдитус», 2021

ISBN 978-5-00149-899-5

Данные события разворачиваются в СССР в 1970-х годах, в небольшом городе. Михаил, бывший сотрудник Интерпола, в поисках спокойной жизни уходит работать в школу. Но его бывшая профессия не хочет его оставлять. Ему невольно приходится заниматься расследованиями, и в этом ему помогают старые друзья и его любимая девушка Зоя.

ISBN 978-5-00149-899-5

© Громобой Н., 2021

© Эдитус, 2021

Содержание

Дело № 1	6
Дело № 2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Николай Громобой
Детективы старой школы
Сборник

* * *

© Громобой Н.

Дело № 1 «Учитель и учительница»

Всякое совпадение имён и фамилий в данной книге является случайностью.

Тихая мирная жизнь средней школы небольшого городка Н. была внезапно нарушена. И не только девочки на переменах собирались кучками, оживлённо перешёптываясь, но и мальчики тоже не оставались равнодушными к происходящему.

Поводов для этого было два. Во-первых, появление нового учителя истории, каких ещё никогда не знала эта школа. По слухам, идущим из учительской, ребята знали, что это бывший офицер, воевавший в горячих точках. Но фурор произвела фотография, выпавшая случайно из директорского кармана. На ней новый историк был изображён в форме капитана Французского Иностранного легиона и с Орденом Почётного легиона. Лихо сидящий берет, широкая улыбка и редкий орден заставили влюбиться в него не только всех старшекласниц, но и молодых учительниц. К тому же он был строен, холост и обладал прекрасными манерами.

Другое событие произошло в то самое утро, когда новый историк появился в школе, а именно пропала учительница английского языка. Она вошла в кабинет и просто исчезла. Сначала все подумали, что у неё что-то случилось дома, и она просто никого не предупредила, но, когда учительница не явилась на следующий день, пошли к ней домой – она жила на съёмной квартире, но и там никого не оказалось. Все были обеспокоены, директор написал заявлению в милицию, так как учительница жила одна и беспокоиться о ней больше было некому. Но вдруг на третий день на адрес школы пришло заказное письмо, в нём учительница Нина Петровна Князева писала, что у неё случился нервный срыв, что она хочет уйти из школы и просила выслать её трудовую книжку на областной главпочтамт до востребования. В письме же было собственноручно написанное ей и подписанное заявление об увольнении.

Прошёл год...

Происшествие с учительницей забылось, новый историк Михаил Васильевич и директор Генрих Юрьевич были в отпуске и отдыхали в деревне на родине директора. Они были старыми друзьями и однажды вечером, отдыхая за чаем, вспомнили первое появление историка в школе и долго над этим смеялись.

В тот день фотографию директор уронил специально, зная, что её подберут и что это поможет создать новому учителю авторитет, а уж удержать он его сможет. Всё дело в том, что новый историк никогда не был капитаном Иностранного легиона, хотя высший французский орден имел на самом деле, но за другие заслуги. Он был полковником милиции и ему приходилось сотрудничать с Интерполом.

За выполнение одного из таких заданий он и получил Орден Почётного легиона. И однажды, напоив его, французские друзья уговорили сфотографироваться в форме капитана Иностранного легиона. Директор тоже когда-то работал в уголовном розыске, но ему пришлось уволиться по ранению. Зашёл разговор и об учительнице.

– Что ты об этом думаешь, – спросил историк.

А ведь знаешь, она по-настоящему исчезла и, если бы я не был уверен в подлинности её заявления, я бы поднял тревогу.

Что ты имеешь в виду под словом «исчезла», – спросил историк.

Так получилось, в этот отрезок времени она всё время была у меня на глазах. Сначала она смотрела в окно на школьный двор, потом резко отошла от окна, вошла в кабинет, затем прозвенел звонок, в класс вошли ученики и с этого времени её никто не видел. Могу поклясться, что из кабинета она не вышла.

И как ты себе это объясняешь?

Ты знаешь, сначала я был в полном недоумении, исчезла как в сказке. Потом я внимательно осмотрел кабинет и понял, как всё произошло. Нашу школу строили как экспериментальную – там должны были быть бассейн и теплица. Но вот теплицу сделали, а на бассейн, по видимому, не хватило денег, но остались двери, выходящие из некоторых кабинетов якобы в бассейн. Была такая дверь и в кабинете иностранных языков. Но поразило меня больше другое. Все остальные двери уже присохли к своим петлям, да и ключей, я думаю, не найти, но эта дверь отлично смазана, и, я думаю, ключ был в наличии. Ну и что ты об этом думаешь.

– Ясно, запасной выход в случае опасности.

– Слушай дальше, я не наивный малый, и у меня сохранились знакомства. Мы пробрили её и по фотографии, и по анкетным данным, и что ты думаешь?

– Думаю всё в ажуре.

– Узнаю старого волка. За ней ничего, даже улицу, я думаю, она всегда переходит только на зелёный свет.

– А теперь послушай мой рассказ, – сказал историк. – Начну с простого. Обычно мужчины по утрам только бреются, а я ещё и подкрашиваю своё правое ухо. Дело в том, что оно у меня пересажено (спасибо французским друзьям за потерю своего и пересадку чужого, но немного не рассчитали цвет). Ну так вот. Перед тем как получить пару пуль в это ухо, я почувствовал какой-то пронзающий взгляд, в ту же секунду дёрнулся, и пули попали в ухо, а могли бы попасть в лоб. Тот же пронзающий взгляд я ощутил на школьном дворе в тот день, хотя не понял, откуда он идёт.

– Теперь я думаю, ты понял, откуда он шёл?

– Понял даже раньше и фотографию её смотрел.

– Ну и как?

– Я её не видел никогда, это точно, а вот она меня – это большой вопрос.

– У тебя есть какие-нибудь мысли по поводу этого?

– Я помню из её личного дела, что она родилась здесь недалеко в селе М., шестьдесят километров отсюда.

На следующий день они уже пили чай с вишнёвым вареньем у бывшего директора сельской школы, в селе М. Старый учитель с большим удовольствием показывал им фотографии своих выпускников, на одной из фотографий они узнали учительницу, это, несомненно, была она.

– Знакомое лицо, – воскликнул учитель истории.

– Так ничего особенного, посредственная ученица, запомнилась лишь благодаря моей хорошей памяти.

– А вы не знаете, что с ней случилось дальше? – спросил историк.

– Не знаю, уехала куда-то в город.

– Может, поступила в институт? – спросил историк.

– Да вы что, с её-то тройками!

– И к языкам у неё не было способностей? – спросил историк.

– Да какие там способности... по-немецки она только «хенде хох» и знала, да и то наверно из кино.

– А английский? – спросил историк.

– А у нас только немецкий учили, английского преподавателя не было. А вас, я смотрю, она очень интересуется...

– Только между нами, Павел Иванович, – сказал историк и показал своё старое удостоверение.

– Что вам ещё сказать про неё?

– А родители, сёстры, братья есть?

– Сестёр и братьев нет, а родители ехали на мотоцикле, в них врезалась грузовая машина. Оба погибли. – Он немного помолчал, задумавшись, потом сказал: – Кстати, что удивительно, виновника аварии так и не нашли. Зил-130, правда, нашли, его угнали в соседнем совхозе.

* * *

– Вот тебе и песня... – сказал директор, обращаясь к историку в вагоне электрички, когда они возвращались домой. – Тупая троечница, которая владеет немецким и английским, да ещё, похоже, и французским. К нам в город на завод приезжали французские инженеры, и одна из наших учительниц слышала, как она разговаривала с французом.

– А эта учительница знает французский язык? – спросил историк.

– Посредственно. Учила в детстве в школе, но отличить от других сможет.

– Твой вывод из всего этого? – спросил историк.

– Вывода нет, только так, мелочи. Первая мелочь троечницы, скорее всего, нет на этом свете, наша пропадающая нашла похожего человека, паспорт реальный, выдержит любую проверку.

– А диплом? – спросил историк.

– А ты представь себе: в твоё «Кукуево», приезжает человек с дипломом Московского института и прекрасным знанием своего предмета. Ты что, будешь поднимать большой хай и слать запрос в Москву? Так что здесь сойдёт и хорошая подделка.

– А вторая мелочь? – спросил историк.

– А вторая мелочь – представь себя в такой же ситуации: ты засветился (убей меня бог, если я смогу понять, где засветилась она), чтобы ты стал делать, не имея, допустим, связей?

– Ну, я думаю, нужны новые документы.

– Это, как говорят, ежу понятно, ну, допустим, хорошо. Ты нарисуешь паспорт. Допустим, у тебя талант к этому делу. А вдруг пробьют твой паспорт? И всё, приехали...

– А что бы сделал ты? – спросил историк.

Я бы устроился на небольшую почту. Всегда можно получить паспортные данные и подобрать их более-менее по себе и на этой основе изготовить паспорт. Так что, я думаю, нашу учительницу надо искать на почте. У тебя ещё остались связи в Интерполе?

– Само собой, там мы друзья до могилы.

– Пробей тогда работников почты. Я думаю, фамилию она менять не стала.

Вскоре они вернулись домой. Через неделю историк, взволнованный, ворвался в кабинет директора:

– Ты был прав! – сказал он, держа в руках лист бумаги. – Работница почты в городке К. уволилась два месяца назад. И почему эта мысль пришла нам так поздно...

Хитро прищурившись, директор сказал:

– Я слышал, что в бытность твою сотрудником Интерпола, ты оказал услугу одному богатому англичанину, и он не забыл тебе спасение его дочери, правда, немного обиделся, что ты, как принято в сказках, не женился на ней, но всё равно, он, по-моему, неплохо тебя отблагодарил. Это так?

– Более-менее – отвечает историк.

– Следовательно, в деньгах ты особенно не нуждаешься... Поэтому мой совет, бери отпуск за свой счёт и дуй в этот городок и переверни там всё. Что касается меня, то через три дня возвращается с Ессентуков мой самый любимый участковый терапевт, моя Машенька, я думаю, она диагностирует у меня острый гастрит, и я смогу вскоре к тебе присоединиться.

По пути в город К., Михаил Васильевич заехал в областной центр, чтобы договориться о своих полномочиях. Он намеревался звонить в Москву, но по какому-то наитию решил сна-

чала зайти в областное управление МВД, и оказалось, что начальник главка – его бывший однокашник по училищу, – и все проблемы были улажены очень быстро. Выпив со старым другом по сто грамм коньяка (больше он себе никогда не позволял, считая, что спиртное снижает реакцию, а никогда не знаешь, когда она тебе понадобится), к вечеру прибыл в город К.

Это был один из редких городков, в которых, казалось, остановилось время. Старые почерневшие деревянные дома, старинное здание фабрики с огромной трубой из потемневшего красного кирпича и с надписью «1878 год», выложенной кирпичом на верху здания.

Он быстро нашёл нужный адрес – ул. Сиреневая, 16. Этот адрес дал ему директор, сказав, что там живёт его хорошая знакомая, дальняя родственница.

Пелагея Дмитриевна, так её звали, оказалось женщиной лет шестидесяти пяти. Учитель назвал себя.

– Проходите, давно вас жду, Генрих прислал телеграмму.

Михаил Васильевич по старой привычке профессионально отметил внимательный взгляд её глаз и стройную не по годам осанку. И тут же был поражён, ощутив, что Пелагея Дмитриевна так же профессионально оценивала его и наверно уже мысленно составила его словесный портрет.

В доме пахло свежими пирогами.

– Давайте ужинать. И прошу вас, не стесняйтесь. Генрих для меня, как сын, и его друзья – также и мои друзья, – сказала Пелагея Дмитриевна.

На столе были пироги с капустой, домашние котлеты, копчёная рыба и многое другое...

– Не хотите ли домашней наливки? – спросила Пелагея Дмитриевна.

– Если только немного, – ответил Михаил.

– Я сама никогда не пью больше ста грамм зараз.

– Ослабляет реакцию, – с улыбкой ответил Михаил.

Женщина рассмеялась в ответ.

– Во время войны я работала в разведке. Приходилось всегда держать себя в руках, – ответила Пелагея Дмитриевна.

Через день приехал Генрих.

– Машенька приехала раньше. Больничный дала, но очень обиделась по поводу моего отъезда. Пришлось в общих чертах описать ситуацию, рассказать про учительницу.

– Сплетен не будет? – встревожился Михаил.

– Машенька не из болтливых, – ответил Генрих.

Вместе они за четыре дня составили список тех лиц, чьими данными могла воспользоваться учительница. Их, по общему мнению друзей, оказалось двадцать шесть человек. Они примерно подходили по возрасту и слегка напоминали по внешности. Впрочем, внешность у неё была не очень броская, а учитывая, что фотография часто не совсем соответствует внешнему виду, то эти двадцать шесть вполне могли подойти.

– Что будем делать дальше? – спросил Генрих. – Организуем запрос, не прописался ли кто под этими данными в других городах?

– Попробуем, – задумчиво ответил Михаил. – Но больше интересует, зачем она приехала в наш город, не для того же на самом деле, чтобы учить детей?

– В нашем городе есть завод сельхозмашин, аккумуляторный завод и завод ткацкого оборудования, – перечислил Генрих.

– Закрытых цехов там нет? – спросил Михаил.

– Ты имеешь в виду, как в старом анекдоте, когда слесарь воровал детали, стараясь собрать дома швейную машину, а получался то РПГ, то автомат Калашникова? – сказал Генрих.

– Ну примерно, – ответил Михаил.

– Насколько мне известно, таких цехов там нет, – ответил Генрих.

Генрих предложил рассказать об их проблеме Пелагее Дмитриевне.

– Старый кадр, – сказал Генрих Михаилу. – Ведь знаешь, Пелагея Дмитриевна была награждена Орденом Суворова в порядке исключения, ведь по статусу им награждаются только генералы за крупные операции.

– Тётя Паша, покажите, пожалуйста, орден и указ, – попросил Генрих.

При этих его словах Пелагея Дмитриевна смутилась:

– Ох Гера, Гера, ведь знаешь, не люблю я хвастовства, – с укоризной сказала она, доставая из шкатулки орден и указ. В указе, поверх стандартной формулировки, что полковник, Герой Советского Союза (про это Генрих рассказал Михаилу ещё раньше) Пелагея Дмитриевна Бурьгина награждается за контрразведывательную операцию «Мышь», целью которой было прикрытие операции «Багратион», шла надпись:

«За оригинальный замысел и отличное исполнение.

И. Сталин».

После они пили чай и тут же за столом поинтересовались, что насчёт их проблемы скажет бывшая разведчица.

– Я бы попробовала осмотреть комнату, которую она снимала. Мне знакома хозяйка дома, она не то чтобы грязнуля, но не очень большая поборница частоты, и я знаю, что комната эта ещё не занята.

Осмотр комнаты ничего не дал. «Профессионал есть профессионал», – подумал Михаил. Лишь выходя из комнаты, Генрих заметил уголок листа, торчащий из-за тумбочки. Лист был почти чистый, с лёгкими отпечатками какой-то смазки. Он посмотрел листок на свет – изображение что-то отдалённо ему напоминало. Но что? Это явно не пистолет, а какой-то прибор. Но какой?

Он весь вечер был сильно задумчив и часто отвечал невпопад на вопросы Михаила Васильевича и Пелагеи Дмитриевны. Историк решил утром съездить в областной город, в Центральную Областную библиотеку, так как при повторном разговоре с работниками почты, где раньше трудилась учительница, одна из её бывших коллег вспомнила, что видела учительницу выходящей из дверей этой библиотеки. Вечером он приехал довольный и несколько озадаченный:

– Представьте себе, она просто глотала книги, за десять месяцев прочитала около трёхсот книг по разным предметам. Никаких выводов из её кругозора сделать не удалось за исключением одного. Она очень интересовалась астрономией, даже изучала таблицы восхода и захода Солнца и Луны в разных широтах, – закончил Михаил.

– А у нас тоже открытие, – сказал Генрих. – Когда я в очередной раз пытался нарисовать контуры, отпечатывавшегося на листе прибора, Пелагея Дмитриевна, глянув на мои каракули, сказала: «Гера, ведь это же морской секстант». Так что ясно одно: мы имеем страстную поклонницу астрономии, – с улыбкой закончил он.

Пелагея Дмитриевна вдруг задумалась и сказала:

– А вы знаете, ещё до войны мне пришлось побывать в вашем городе. Один местный инженер задолго до Кусто придумал свой тип акваланга и испытывал его на небольшом озере, военной идея понравилась, ему дали небольшое КБ¹ и озеро сделали закрытым объектом.

– Да, когда я говорил о наших предприятиях, у меня это вылетело из головы. Не знаю, чем там сейчас занимаются, но запретная зона до сих пор существует, – сказал Генрих.

---

¹ КБ – конструкторское бюро.

– Может, вы правы, и она действительно шпионка, но тогда при чём здесь я? Всю жизнь ловил пусть крупных, но уголовников. Я же милиционер, а не контрразведчик, – сказал Михаил.

В комнате наступила тишина. Михаил Васильевич, о чём-то задумавшись, неотступно смотрел в окно. Пелагея Дмитриевна, любящая, взглянула на него: «Вылитый Джеймс Мур в роли Бонда», – подумала она. Генрих же выглядел как настоящий древний германец – рослый блондин с ослепительно васильковыми глазами. «За эти глаза Клава, наверное, и полюбила его, того Генриха, – подумала Пелагея Дмитриевна, вспомнив отца и мать директора. – Как обидно! Погибнуть за два месяца до конца войны». На душе стало горько, и мысли сами собой перенеслись на сегодняшнюю их проблему. И когда Михаил Васильевич отвернулся от окна, перед его глазами встала такая картина: Пелагея Дмитриевна сидела в кресле, держа в правой руке именную наган и уперев его ствол в свой подбородок. При этом взгляд у неё был такой задумчиво-отрешённый, с какой-то грустью, и со стороны создавалось впечатление, что задумала застрелиться, но пока ещё окончательно не решилась на это. Так она любила думать над сложными проблемами. Как-то, ещё в начале службы, её начальник, увидев такую картину, был в ужасе. Он в самом деле подумал, что Пелагея хочет застрелиться, тем более что проблемы на тот момент у неё были очень серьёзные, и Пелагею даже подозревали в измене. Но начальник не верил в измену и поэтому с криком: «Паша стой, не делай этого» бросился к ней и выхватил у неё наган. Но со временем он привык к этому и понял, что как Шерлоку Холмсу помогала его трубка, то никогда не курившей Паше, помогал револьвер, упёртый в подбородок.

Внезапно Пелагея Дмитриевна опустила наган и сказала:

– Я полагаю, мальчишки, что надо сделать следующие вещи: первое – проконтролировать, если это возможно, появление паспорта с её первоначальными данными или с данными, которые она могла получить на почте. Второе – надо ещё раз досконально побеседовать с её коллегами на почте и в школе. Даже профессионал может упустить какую-то незначительную мелочь. Я же со своей стороны постараюсь узнать, есть ли в вашем городе объекты, представляющие государственную тайну. К счастью, ещё не все мои друзья на пенсии.

К сожалению, повторные разговоры с работниками почты ничего нового не дали. Ответ от друзей Пелагеи Дмитриевны тоже запаздывал, и друзьям ничего не оставалось, как отправиться домой, тем более что заканчивался больничный лист директора. Зато дома их ждал неожиданный успех. Одна из молоденьких учительниц вдруг вспомнила, что однажды видела пропавшую учительницу под руку с директором местного краеведческого музея, Виктором Андреевичем Мельгуновым. Михаил Васильевич, едва дождавшись конца урока, тотчас помчался к нему. Мельгунова историк раньше немного знал, так как он, как и Михаил Васильевич, был холостяком и питался в «Домовой кухне». Готовили там довольно прилично, обеды на дом отпускались со скидкой десять процентов, и поэтому многие холостяки посещали это заведение. Там и познакомились Мельгунов и Михаил Васильевич.

Войдя в здание музея и спросив у вахтёрши, как пройти к директору музея, историк вошёл к нему. Тот поднялся из-за стола и с улыбкой спросил:

– Заинтересовались историей нашего города?

Но когда узнал тему предстоящего разговора, сразу нахмурился и сказал:

– Для меня очень неприятно всё это вспоминать, но если вам так необходимо знать, – спрашивайте.

– Прежде всего, не могли бы вы рассказать, как познакомились с ней.

– Познакомились мы вскоре после её приезда в наш город. Она пришла в музей и очень всем интересовалась. В это время я был в одном из залов. Мы разговорились. Разговор пошёл легко и интересно, и вечером мы уже ели мороженое и пили кофе в одном из наших кафе.

– А потом?

– Потом свидания. Правда, ей почему-то нравилось встречаться в тихих укромных местах. Потом объяснения в любви, разговоры о предстоящей свадьбе.

– А почему всё кончилось?

– Я был в командировке в областном центре, – Виктор помолчал, видимо, воспоминания очень тяготили его, – знаете, от природы я очень дальновзорок и увидел их издали, её и одного моего знакомого. Я видел, как он всю её буквально ощупывал, и ей это нравилось, и потом они долго-долго целовались. И знаете, что меня больше всего задело? Даже не сам факт измены, а с кем она мне изменила. Это бывший мой знакомый, негодяй и никчёмный человечиска, в жизни его интересовали лишь две вещи – это глубокоководное погружение и женщины.

– И что было после?

– Я без объяснения причин порвал с ней. Она пыталась добиться у меня, почему я внезапно охладил к ней, но я не стал объясняться, и она постепенно отстала.

– Не могли бы вы назвать имя этого человека?

– Красовский Игорь Владимирович или Гарри, как он любит, чтобы его называли.

– Спасибо, это может очень пригодиться.

– А вам можно задать один вопрос? – спросил директор музея. – Вы пока не нашли её, живой, – при этих словах он замялся, – или её труп?

– Пока ещё нет, – ответил Михаил.

Они вежливо попрощались, а уже завтра утром, наскоро переговорив с Генрихом, Михаил Васильевич мчался в электричке в областной центр. Но как оказалось, он мог не спешить. По данным ЗАГСа, Красовский Игорь Владимирович, экономист строительного треста и аквалангист-любитель, умер от кровоизлияния в мозг три месяца назад.

«Вот тебе бабушка и Юрьев день», – пришла в голову Михаила старинная поговорка, которая в наш век атома и электричества сократилась до одного слова – «Облом». Он поговорил с патологоанатомом, который делал вскрытие, но и у того не возникало никаких сомнений в диагнозе.

Тогда Михаил Васильевич вдруг вспомнил про Витю Коротеева, своего друга и бывшего коллегу по Интерполу. После «того» дела их обоих наградили Орденами Почётного Легиона и очень-очень вежливо вышвырнули из организации. Похоже, что каким-то краем они зацепили кого-то, сидящего на Олимпе. Михаил Васильевич после этого психанул и ушёл из МВД, хотя там его очень уговаривали остаться, обещали в скором времени генеральские погоны. Но он, вспомнив своё первое высшее образование, решил пойти в школу, где был директором Генрих, тоже его друг.

А Витя пошёл работать в МУР и стал там ведущим экспертом. С лицом орангутанга и с обезьяньими руками, которые могли опускаться, казалось, ниже колен, он обладал далеко не обезьяньим интеллектом и по праву считался в Интерполе одним из лучших специалистов; к тому же слыл большим энтузиастом своего дела. Михаил Васильевич позвонил ему в Москву, и он пообещал приехать через два дня.

Сложностей с разрешением на эксгумацию тоже не оказалось. Начальник управления, выслушав его, сказал:

– Ну что же валяй. Шерлок Холмс. Красовский был одинок, так что разрешения родственников не потребуется, а так если что найдёшь, и нам интересно будет.

Домой Михаил Васильевич не поехал, дал телеграмму Генриху о том, что задерживается и остаётся ждать Витю. Михаил заказал столик в ресторане, чтобы отметить встречу, но, как оказалось, он забыл Витю. Сев в такси, Коротеев первым делом спросил:

– А до кладбища далеко?

Этот вопрос сильно смутил водителя, так как перед этим Михаил попросил отвезти их в лучший городской ресторан. Вместо ресторана, они всё же очутились на кладбище. Достав с помощью кладбищенских рабочих гроб, Коротеев категорическим тоном приказал всем

отойти в сторону и, достав свой, на заказ сделанный чемоданчик, начал колдовать. Минут через сорок он закончил и, улыбаясь, что уж, казалось, было совсем не к месту, сказал:

– Молодец, хорошая работа.

– Ты имеешь в виду себя? – спросил Михаил.

– Ну, вообще-то, ко мне это тоже относится. Но в первый раз я имел в виду того, кто это сделал, – он кивнул на гроб. – Могу спорить хоть на десять ящиков армянского коньяка, местные эксперты съели бы это и не подавились. Очень редкий яд, следов почти не оставляет, но мне удалось найти реактив, который показывает наличие продуктов распада этого яда. Как Шерлок Холмс, помнишь, с его реактивом на гемоглобин, – и тут он опять глупо заулыбался.

– Ты сможешь написать официальное заключение? – спросил Михаил.

– Конечно, нет разговора, только, – при этом улыбка покинула его лицо, – во-первых, поставь в известность об этом местное МВД и желательнее даже КГБ. Понимаешь, это очень редкое вещество, в советской аптеке его не купишь, да и самому синтезировать, поверь мне, крайне сложно. Это тебе не кураре. Помнишь деда Василия, как мы помогли ему с волками?

– Помню. Мы, как два индейца с луками и с твоими стрелами, которых ты намазал своим самодельным кураре. Деду Василию трудно пришлось, когда он приехал сдавать волчьи шкуры. Представь, восемь волчьих шкур и не одной пробоины. Деду пришлось сказать, что он всех их застрелил из мелкашки² в глаз.

– Его хотели взять в сборную Союза по стрельбе, – рассмеялся Михаил.

– А мне было совсем не смешно, когда ты дёрнулся, и твоя стрела пролетела рядом с моим плечом.

– Но, а теперь, во-вторых, – продолжил он. – Этот яд фигурировал в «том» деле, из-за которого от нас «ушли», а там осталось много неясностей. Поэтому будь очень осторожен. Мне неохота потерять такого друга, как ты.

Вечером они всё же отметили встречу, пригласив на неё начальника областного МВД, так что ужин вышел отчасти деловым. Наутро Михаил Васильевич получил официальные полномочия на ведение следствия, и начальник обещал ему собрать все данные о Красовском. Вечером того же дня Михаил, проводив в аэропорт Витю и пообещав его держать его в курсе дела, вернулся домой. Дома его ждало разочарование. Генрих получил письмо от Пелагеи Дмитриевны, в котором она сообщала: что никаких оборонных объектов в их городе не имеется, а за вывеской «Запретная зона» находится лепрозорий (интернат для больных проказой, такие были в СССР), и всё держится в тайне лишь для того, чтобы не тревожить местное население.

Единственный интерес представлял сторож лепрозория, бывший работник оборонки, которая раньше разрабатывала там акваланги. От него удалось узнать, что изобретатель погиб во время испытаний своего оборудования ещё во время войны, и без него всё дело пошло на спад и вскоре совсем заглохло. Человек он был очень талантливый, заинтересовался возможностью кашалота погружаться резко на полторы тысячи метров и что-то, как считали, открыл в этой области, какую-то специальную дыхательную смесь, позволяющую избежать кессонной болезни. На первых порах всё шло удачно, но вскоре погиб штатный испытатель, а потом и сам изобретатель, и проект похоронили. Лаборатория ещё некоторое время существовала – изучали трофейные немецкие, итальянские и французские акваланги, а затем прикрыли и её. По словам сторожа, а он производил впечатление человека, которому можно верить, никто у него в последнее время или раньше ничем не интересовался, хотя кое-кто в городе знал о его работе в лаборатории.

В общем, следствие опять зашло в тупик.

Вскоре пришло сразу два письма. В одном из них, полученном Генрихом, Пелагея Дмитриевна советовала им досконально изучить всю историю отношений директора краеведческого

---

² Мелкашка – винтовка калибра 5,6.

музея и учительницы, ведь целью её было наверняка не создание примерной советской семьи и, судя по всему, к водолазному делу директор тоже не имел никакого отношения.

Генрих постоянно посылал ей письма о ходе расследования и в одном из них упомянул, что директор музея не умеет плавать. Это ему удалось узнать из осторожных расспросов знакомых Мельгунова. В другом письме, пришедшем из Парижа на имя Михаила, сообщалось о разных новостях из Интерпола, в том числе о деле, которое заставило Михаила уйти в учителя.

Анри Фрезе, его коллега и хороший друг писал, что замдиректора Интерпола, инициатор их с Витей увольнения, обвинён в измене и арестован французской контрразведкой (аналог КГБ). Ведётся повторное расследование этого дела, и Анри надеялся, что после окончания расследования они смогут вернуться в организацию.

«Да уж, шиш вы его найдёте», – подумал Михаил, «два года прошло за это время. Умный человек все маленькие следочки десять раз заметёт. А судя по всему, за этим всем стояла очень умная голова». И тут на него нахлынули воспоминания...

* * *

Несколько лет по всему миру происходили кражи редкого антиквариата. И всегда успешно. Кражи осуществлялись очень тщательно, на подготовку и саму операцию денег не жалели. Машины, инструменты, средства связи, исполнители – всё по высшему разряду. И что самое интересное, похищенные предметы они будто в землю зарывали или в море топили... Ни на каких подпольных аукционах и в подпольных частных коллекциях они, насколько было известно, не появлялись. А осведомителей в Интерполе хватало. Нередко Интерпол выходил на исполнителей и начинал разматывать цепочку, но в определённом месте, доходя до очередного посредника, цепочка обрывалась, не оставляя конца. Контора, честно говоря, уже отчаялась, когда-либо их поймать, но помог случай.

Как говорится, и на старуху бывает проруха. Дело началось с пустяка для Интерпола. Они арестовали одного подпольного торговца драгоценностями. Перебирая у него на квартире: алмазы, рубины, сапфиры и прочий, как выразался Витя, «гравий», он вдруг прекратил опускать свои шуточки и вдруг замолк. Я тогда с удивлением глянул на него. Витя держал в руках древнюю золотую монету и очень тщательно рассматривал её в лупу.

– Ты что, мало нагладелся на золотые монеты? – спросил я.

– Чудак, ты знаешь, что это такое? Если, конечно, не подделка, – ответил Витя, благоговейно держа на ладони монету. – Это монета Тай Хао – первого китайского императора, точнее, они тогда ещё не носили этот титул, а назывались «властители».

– Ну и что? – вырвалось у меня по простоте душевной.

– Да пойми же, это почти три тысячи лет до нашей эры, многие учёные вообще считают мифическим его существование, а здесь, – и он замолчал.

Витя был помешан на древнем Китае и, наверное, при желании мог написать на эту тему не одну докторскую диссертацию.

И тут в душе Михаила проснулся историк, и он с почтением взял монету в свою ладонь. Радиоуглеродный анализ показал подлинность монеты. Всего монет было пять. Проследив путешествие монет от торговца краденным, по цепочке Интерпол вышел на одного парижского старика-антиквариата, которому удалось всё-таки обхитрить контору, переселившись за два дня до их визита на Сен-Жерменское кладбище. Казалось, дело завершено, но в голову Михаила пришла интересная идея.

Дело в том, что все похищенные неуловимой бандой предметы старины были не просто антикварными, а уникальными. Главарь банды имел очень изысканный вкус, и Михаил предложил руководству поймать его на эти монеты, как на живца. Надо только разместить их на одном из подпольных аукционов и ждать. Несомненно, у главаря на таких аукционах есть осве-

домители. Трудность задачи заключалась в отслеживании цепочки при передаче трёх монет. Начальник почему-то решил, что на аукционе должны быть представлены не одна, как хотел Михаил, не пять, а именно три. Покупатель назначил встречу для проверки подлинности, на встречу пошёл Михаил, – он безупречно говорил на французском. Он передал посреднику одну монету, тот ему денежный залог, и они расстались. Чтобы не вызывать случайное подозрение, встречу Интерпол оставил без наблюдения. Вечером в квартире Михаила раздался телефонный звонок, и голос посредника сказал одно единственное слово: «Да» и повесил трубку. Это значило, что покупка состоится завтра в то же время на том же месте.

К операции было привлечено около шестидесяти агентов и двадцать машин. Вертолёты решили не использовать, чтобы не привлекать внимание и, как оказалось впоследствии, зря. Они забыли, с кем имеют дело. Первый сюрприз ждал их в самом начале. Посредник взял монеты, расплатился с Михаилом, который остался сидеть на лавочке, на этом его роль в операции заканчивалась. И вместо того чтобы сесть за руль автомобиля, на котором приехал, он просто пошёл вдоль улицы. Затем его нагнала «Скорая помощь». Посредник быстро нырнул в неё, и она, включив сирену, с бешеной скоростью помчалась прочь. Но опытные сотрудники всё-таки смогли уцепиться ей за хвост, постоянно меняя машины. Но на одной из улиц дорогу между «Скорой» и её полицейским хвостом пересёк бензовоз, который тут же взорвался. Только благодаря водителю-асу экипаж Интерпола остался жив. Место аварии оцепили в какие-то десять минут, но было поздно. «Скорую помощь» нашли в соседнем переулке, а сами преступники испарились. В общем, операция провалилась. К тому же доллары, полученные Михаилом, оказались фальшивыми. Сначала в конторе этому даже немного обрадовались такие добротные фальшивки мало кто может сделать, можно таким образом выйти на производителя. Но, как сказал эксперт:

– Это доллары – «клошары»³, на рынке они раньше не появлялись, и производитель их неизвестен.

Таким образом, круг замкнулся. Михаилу вежливо предложили уйти из конторы. Витя ушёл вместе с ним. Вспоминая всё это, Михаил вздрогнул: «Вот тут-то и могли срисовать мою внешность». И перед ним ожило лицо заплаканной девушки на соседней скамейке. Это была она – пропавшая учительница. «Ну, держись, – на него накатила волна злости. – Пусть мне ещё оба уха продырявят, но ты у меня заплачешь по-настоящему!»

* * *

«Итак, значит, директор музея. Возьму на неделю больничный и всю эту неделю буду с ним, буду с ним на работе, перееду жить к нему на неделю, думаю, согласится, есть у него небольшая страсть к Бахусу, уговорю на этой почве. Коньяка жалеть не буду! Только бы узнать, что ей на самом деле нужно было от него»...

Придя на следующее утро в музей к Мельгунову, Михаил Васильевич из разговора с ним узнал, что учительницу очень интересовали старые дореволюционные документы:

– Она рассказала однажды, – сказал директор музея, – якобы её дед был дворянского рода и происходил из этих мест, потом он пропал без вести во время революции, а бабушка по какой-то причине сменила фамилию и лишь перед смертью рассказала про это отцу учительницы. – Немного помолчав, Мельгунов добавил: – Говорила, что хочет узнать историю своей семьи, но думаю, её интересовало что-то другое.

В его последних словах Михаил заметил какую-то задумчивость, и ему интуитивно почувствовалось, что это не грусть по учительнице, а нечто другое. Директор, казалось, угадал его мысли, поэтому продолжил:

---

³ Клошар – по-французски нищий.

– Мой отец – детдомовец. Фамилию Мельгунов получил от завхоза. В детдом попал после войны в возрасте восьми лет, но, как рассказывал мне, хорошо запомнил внешность своих родителей, и судя по его описанию, они вполне могли быть дворянами. И ещё он помнил, что они жили в очень большом доме с колоннами.

– А что с ними случилось потом? – спросил Михаил.

– Потом он только помнил о том, что ехали куда-то в поезде, а потом отец оказался один на маленькой станции, а что случилось с родителями, было непонятно, – продолжил Мельгунов. – Поэтому я и посочувствовал ей. Мне бы самому хотелось узнать о своих предках, но у меня не было никакой зацепки. А она знала имя и фамилию деда, и даже примерное место жительства.

– Могу ли я посмотреть ваш архив? – спросил Михаил.

– Да, без проблем, – ответил Мельгунов.

К концу закрытия музея голова Михаила, казалось, начала дымиться от всяких «высокопревосходительств», дворянских предводителей и прочих подобных вещей. Его мозг прокрутил наверно больше тысячи фамилий в различных документах того времени, но не было ни одного совпадения с данными, которые называла учительница. Так как директор музея очень хорошо знал историю края, Михаил решил напроситься к нему в гости и продолжить своё расследование дома у Мельгунова. Михаил приготовил заранее для этого две бутылки коньяка. Директор весьма охотно пригласил его в гости, возможно, даже не догадываясь о коньяке. Сначала их беседа текла по правильному руслу, но к концу второй бутылки оба перешли на разговор о рыбалке. Потом директор достал свою бутылку, третью, налил, они чокнулись, Мельгунов выпил первым и тут же побледнел, и схватился за горло. Михаил, в это время готовясь выпить свою порцию, тут же быстро поставил её на стол. «Коньяк отравлен», – мелькнуло у него в голове. Но директор, поняв Михаила, вдруг замахал руками: «Всё нормально». Оказалось, что, уже делая глоток, он вспомнил одну важную вещь, и коньяк частично попал не туда, куда нужно. Отдышавшись, Мельгунов сказал:

– Есть ещё одна интересная деталь. В музее хранится очень древний китайский свиток. Учительница подолгу его рассматривала, объясняя это особой любовью к древностям.

– А вы знаете, что на нём написано? – заинтересовался Михаил.

– Я посылал копию с него двум переводчикам, и оба они дали какой-то невразумительный перевод: «Великий дракон возродится из когтя тигра, и семнадцать богатырей помогут ему».

– А в вашем краю есть что-либо с названием «коготь тигра»? – спросил Михаил.

– Я исходил всю здешнюю местность вдоль и поперёк, и можете мне поверить, что ничего с таким названием здесь нет. Даже если брать эти слова отдельно, ни когтя, ни тигра здесь нет, – ответил директор.

Наутро, напившись крепчайшего чая, друзья двинулись в музей. Михаилу не терпелось осмотреть свиток. Осмотрев, он сфотографировал его и решил послать фото Вите, который был большим знатоком в этом вопросе. После он поехал в областной центр и там в Центральной библиотеке до потемнения в глазах изучал разномасштабные карты области, но так и не пришёл ни к какому открытию. Переночевав у своего друга, начальника областного МВД, утром Михаил шёл на электричку, мучаясь от сильной головной боли, для которой, казалось, не было причин. Выпил он вчера свои традиционные сто грамм, но не спал всю ночь. Его мучило чувство, что он что-то упустил, что-то, лежащее на поверхности. Михаил остановился в дверях вагона: «Поверхность». При этом слове в голове, казалось, зажглась зелёная лампочка, и голова неожиданно перестала болеть.

– Мужчина, вы будете входить или нет? – окликнула его какая-то дородная дама.

Боясь потерять мысль, он ничего не ответил и сошёл на перрон. «Поверхность, поверхность, поверхность», – стучало у него в голове. Изучив пятикилометровку их района, Михаил

нашёл, что искал. Линии, соединявшие одинаковые высоты в одном месте, напоминали тигра в броске.

«Да, коготь твой ещё придётся поискать», – с улыбкой подумал Михаил. Всю дорогу в электричке он просто сиял. Сидящая напротив него пожилая женщина взглянула на него с улыбкой и сказала:

– Молодой человек вам, наверное, дала согласие любимая девушка?

– Да, точно, вы угадали, – не моргнув ответил Михаил.

Дома его ждал ещё один сюрприз – пришло письмо из Парижа. Анри сообщил интересную новость. На окраине Парижа умер одинокий пенсионер Жюль Межи. Так как родственников у него не было, то осмотром квартиры занимался местный муниципальный чиновник в присутствии полиции. При этом были найдены две золотые монеты, по которым давал ориентировку Интерпол. Это были родные братья монет, пропавших при операции. Причиной смерти старика явился обширный инфаркт. С этой стороны было всё чисто, никакого яда. Анри ручался за это. Но при осмотре трупа на внутренней стороне левого предплечья был обнаружен татуированный десятизначный номер. Номер не напоминал, ни номер заключённого, ни номер документа, ни номер банковского счёта. В общем, в практике Интерпола такого не встречалось. Номер Анри переслал. Генрих с Михаилом долго гадали над этим номером, потом Михаил сказал:

– Слушай, ты сейчас удивишься, но это число мне почему-то кажется знакомым.

После этих слов Михаил задумался, и после двадцати минут размышлений лицо его просветлело, и он сказал, обращаясь к Генриху:

– Посмотри, если отбросить две последние цифры, то мы получим долготу и широту примерно нашей местности.

– Да, но это же слишком примерно. Для поиска нужны не только градусы и минуты, но и секунды, – сказал Генрих.

– Мне это уже приходило в голову, – хитро улыбаясь, ответил Михаил.

– Ну и какое же ты нашёл решение? – спросил Генрих.

– Как ты думаешь, почему он так боялся забыть градусы и минуты и совершенно не переживал за секунды. У меня есть только одна разумная версия. Секунды – это год его рождения, – закончил Михаил.

В тот же день он написал письмо Анри с двумя просьбами. Первое: срочно прислать дату рождения умершего пенсионера и другие известные его биографические данные. И второе: создать умышленную утечку данных об этом деле и, в частности, о татуировке пенсионера. Для ускорения этого дела Михаил съездил в областной город и там опустил письмо в почтовый ящик.

После этого он направился в областное МВД, но на полпути остановился, подумал некоторое время и отправился на вокзал. На следующий день друзья начали готовиться к операции. Они вычислили это место на карте и, съездив на место, обнаружили там старый осыпавшийся геологический шурф. По-видимому, там и стоило искать клад, но поскольку их целью был не только клад, а ещё и поимка пропавшей учительницы, Михаил и Генрих не стали ничего раскапывать.

Вскоре к ним приехал Витя, а затем и Пелагея Дмитриевна. Вместе с ней приехала Зоя, внучка её старой подруги. Зоя и вела всю дорогу двадцать первую «Волгу» Пелагеи Дмитриевны. Зоя оказалась в курсе событий и горячо желала участвовать в предстоящей операции. Мужчины сначала были категорически против этого, но за неё вступилась Пелагея Дмитриевна, похоже, Зоя была её любимницей. Она рассказала, что кроме того, что Зоя отлично водит машину, девушка ещё имеет первый разряд по самбо и по стрельбе из спортивного пистолета. «А уж из нагана вообще стреляет изрядно. Я её этому учила и ещё кое-каким приёмам самообороны», – продолжила старая контрразведчица. В конце концов, мужчины были вынуждены

согласиться с её участием. Генриха и Витю продолжало смущать лишь малое количество оружия, которое у них имелось. У Генриха был охотничий карабин «Лось», Витя привёз свой служебный ПМ, да у Пелагеи Дмитриевны имелся наградной наган, вот и всё. Но ясно, что учительница появится не одна, и оружие у противника может оказаться серьёзным. Но Михаила, казалось, это не смущало. Генрих и Витя несколько недоумевали на этот счёт, и только старая контрразведчица спокойно отнеслась к этому обстоятельству, чувствуя по своему опыту, что у Михаила имеются по этому поводу свои мысли. И, как оказалось, она была права.

Вскоре вечером у дома Генриха остановился милицейский УАЗик. Из него вышел их старый друг, дед Василий, которому они когда-то помогли одолеть волков. Он горячо обнялся с Михаилом и Витей, познакомился с остальными, и они все вместе стали вытаскивать из УАЗа тяжёлые ящики и таскать их в дом. Когда дома они стали вскрывать ящики, удивлению их всех, кроме Михаила, не было предела. Там были несколько маузеров времён Гражданской войны, офицерские наганы-самовзводы, восемь японских винтовок «Арисака» и даже гранаты. Перед самым большим ящиком дед Василий несколько смущённо остановился.

– Не стесняйся, дед, показывай, что у тебя там, – подбодрил его Михаил.

Но, увидев открытый ящик, был поражён даже он: там был пулемёт «Максим» и четыре коробки с лентами к нему.

– Василий Иванович, мы же не партизанский отряд создаём, а идём на задержание преступников, – с укором сказал ему Михаил.

– Да мне тоже сначала было жалко его брать, очень уж нужен он бывает в хозяйстве, да подумал, что вы бы для меня ничего не пожалели, ну и решил его взять, – виновато отвечал дед Василий.

– Ты бы лучше рассказал, зачем он так тебе в хозяйстве необходим, – со смехом спросил его Витя.

– Так через пару лет после вашей охоты волки опять одолели, сладу никакого с ними нет, а тут среди прочих своих старых запасов отыскал его, почистил, смазал, в общем, привёл в полный порядок. Одна беда – стрелять из него двоим надо. А у меня один первый номер в наличии – я. Но у старого солдата смекалка должна быть, ну и положим, не только смекалка, – при этих словах дед Василий сощурился как кот.

– В общем, есть там одна женщина, одиночка, недалеко от меня живёт, вёрстах в пяти. Ну вот согласилась она стать вторым номером при пулемёте и при мне. Хотим вот свадьбу сыграть и вас хотели пригласить, – рассказывал дед.

– А вдруг какое начальство нагрянет или милиция, не боишься? – спросил Витя.

– Начальство к нам не ездит, а с участковым, бывает, вместе на косолапого ходим, «Арисаку» ему подарил на день рождения, – объяснял дед Василий.

Через некоторое время пришло письмо от Анри из Парижа. В нём сообщалось, что утечка данных прошла хорошо, и кое-кто, по слухам, очень заинтересовался этим делом. Но конкретно узнать ничего не удалось.

– Ну ничего, нам хватит и этого. Я думаю, пора в дорогу, – сказал Михаил.

В ближайшую от места деревню поехали на «Волге» с прицепом. Так как в «Волге» все не уместились, Генриха и Михаила согласился отвезти на своих «Жигулях» один из хороших знакомых директора.

Не доезжая трёх километров до деревни, разгрузились, взяли оружие и продукты, затем мужчины пошли к заброшенному шурфу, а Пелагея Дмитриевна и Зоя поехали в деревню. Они должны были изображать профессоршу-чудачку и её внучку, приехавших из столицы наблюдать за звёздами. Для этого номер на машине изменили на московский. Их роль в предстоящей операции заключалась в том, чтобы держать под контролем единственную сравнительно удобную дорогу к месту операции. Другие пути были слишком труднодоступными из-за топких болот. На исходе второй недели в деревне появилась ещё одна «Волга». В ней находились двое

мужчин и одна молодая красивая женщина. Остановившись в одном доме, они отрекомендовались научными работниками, приехавшими в эту глухомань отдохнуть от тяжёлой умственной работы. Оpozнав по приметам в женщине пропавшую учительницу, Пелагея Дмитриевна приняла решение двигаться к месту засады. Несмотря на возраст, она двигалась быстро и неутомимо, наравне с Зоей.

Сказывалась фронтальная закуска, так что пришли они на место намного раньше бандитов. Друзья в это время завтракали. Для соблюдения конспирации они не разводили костра, а кипятили чай на походном примусе. Один из троих – деда Василия они освободили от этого – всё время находился на дереве и наблюдал за местом. Место, а это был берег небольшого лесного озера, было довольно удобно для наблюдения. После завтрака, пользуясь тем, что дед Василий отошёл в сторону, Генрих спросил у Михаила:

– Слушай, а откуда у деда такой арсенал?

– Колчаковская захоронка. Василий Иванович нашёл её в тайге, а отдавать властям не стал, подумал, самому может пригодиться и уже не раз пригодилось.

Тем временем послышались осторожные шаги, а затем тихий условный свист. Учитель отозвался другим свистом и вскоре на небольшой полянке появились Пелагея Дмитриевна и Зоя.

– Враги отправились в путь, – сказала контрразведчица, присаживаясь рядом с друзьями.

Примерно через час Генрих спустился с дерева и сказал:

– Противник на месте.

Михаил быстро поднялся и сказал:

– Начинаем захват. Каждый помнит свою роль?

Все кивнули. Друзья двинулись цепью, окружая участок берега с заброшенным шурфом. Михаил вышел из кустов. Двое мужчин в это время были так увлечены рытьём шурфа, что не заметили его. Зато женщина среагировала моментально, выбросив сигарету и сунув руку в карман.

– Что же вы, Нина Петровна, оставили своих учеников и бросились сломя голову кланды китайские искать, – с усмешкой спросил её Михаил.

– Медленно поднимите руки вверх, – сказала Князева, выхватив пистолет из кармана куртки.

– А стоит ли это делать, уважаемый педагог. Ведь вы же меня знаете, я редко ошибаюсь, и бензовоз вам на это раз не поможет, – спокойно ответил учитель.

Один из бандитов вдруг резко кинулся к лежащему недалеко карабину, раздались мелодичный звук «Арисаки», и он завыл, схватившись за руку. Второй бандит молча поднял руки вверх. И тут Михаил, подчиняясь какому-то неизвестному чувству, резко упал на землю. Три пистолетных выстрела, казалось, слились в один. Два из ПМ и один резкий щёлкающий из «Беретты». Учительница стояла с побледневшим лицом. Обе кисти её были пробиты Витинными пулями. Рядом на земле валялся пистолет.

Витя подошёл к ней и молча вынул из её кармана ещё один.

– Не слишком ли ты жёстко с ней обошёлся? – спросил Михаил, перебинтовывая ей руки.

– Нет, я так не думаю. Стреляет она наверняка с обеих рук и пульки у неё по меньшей мере разрывные, а то и с ядом. Ты что же, всерьёз думаешь, что она думала этих молодцов в живых оставлять? – отвечал Витя, продолжая начатую бандитами работу. При этих его словах глаза бандитов зловеще блеснули.

Копали все поочередно, даже Пелагее Дмитриевне не терпелось поучаствовать. Вскоре был открыт небольшой керамический горшок с плотно притёртой крышкой. С большим трудом открыв его, достали оттуда кусок шёлковой ткани и, развернув его, в буквальном смысле ахнули, увидев красный камень невероятной величины и красоты.

– Примерно 700 карат, никогда не видел рубинов такой величины и такой огранки, – только и смог промолвить Витя.

Всего они достали 17 таких горшков с огромными рубинами. Преступников и камни отвезли в областной город и передали в управление МВД. Друзья отпраздновали удачно завершившуюся операцию и разъехались по домам. Но вскоре были вызваны в Москву и почему-то не в МВД, а в Верховный Совет СССР. Там к ним вышел один очень ответственный товарищ и показал секретный Указ Верховного Совета СССР о присвоении товарищам: Михаилу Васильевичу... Генриху Николаевичу и Виктору Петровичу звания Героя Советского Союза за выполнение операции, принёсшей огромные ценности в бюджет страны. Пелагея Дмитриевна, Зоя и дед Василий были награждены Орденами Красной Звезды.

– Кроме того, – сказал ответственный товарищ, – всем вам будет предоставлен так называемый «Открытый счёт Сбербанка СССР».

– А что это такое? – спросил Михаил.

– Это значит, что вы можете тратить в месяц 25 тысяч, и каждый месяц истраченная сумма будет возобновляться. – Видя их недоумение, ответственный товарищ пояснил: – Камни, которые вы нашли, не рубины, как думали сначала, а красные алмазы. В мире известны всего 3 таких камня, и все они не больше 5 карат. Стоимость их примерно 2 миллиона долларов за карат. Камни такой величины, что вы нашли, это вообще фантастика, и самое интересное, что в Китае они не добываются. Месторождения красных алмазов есть только в Австралии и Бразилии, но опять добавлю, что не такой величины.

– Интересно, откуда они тогда взялись в древнем Китае? – сказал задумчиво Витя.

– На этот вопрос мог, наверное, ответить только древний наследник престола, – сказал ответственный товарищ.

– Да и как, не имея ни самолётов, ни вертолётов, он смог увидеть очертания тигра, – добавил он задумавшись.

– Ну что ж, товарищи, до свидания. И помните, информация обо всём этом составляет государственную тайну. Официально вы награждены за поимку особо опасных преступников и только, – закончил он прощаясь. – Да, ещё, Михаил Васильевич, поступил запрос о возможности вашего возвращения в Интерпол, а также есть предложение занять генеральскую должность в Главном управлении МВД. Подумайте.

– Да нет, я уже привык быть учителем, – ответил Михаил прощаясь.

Они ещё не знали, что скоро их ждёт новое дело...

Дело № 2 «Пропавшие учебники»

После бурных событий друзья наши были рады вернуться к спокойной и размеренной жизни. Они наслаждались простыми житейскими радостями, а также возможностью чувствовать себя свободно в материальном отношении, благодаря полученному ими вознаграждению. Правда, в одном серьёзном учреждении, которое некоторые острословы называют «Контора Глубинного Бурения», их очень вежливо попросили по возможности не афишировать свои доходы. Звёзды Героев учителя тоже одевали лишь по праздникам и на все вопросы рассказывали некую фантастическую историю. Правда, иногда их расспрашивали поодиночке, а договорились между собой друзья только в общих деталях, поэтому в результате появились несколько версий происшедших с ними событий, которые довольно сильно отличались между собой.

Зоя переехала в город, где жил Михаил, и пошла работать в школу к друзьям. Вскоре между Михаилом и Зоей вспыхнул роман, и они уже собирались пожениться, как вдруг случай нарушил их спокойную жизнь.

Однажды Михаил пришёл домой пораньше – у него в этот день после обеда не было уроков и, решив приготовить что-нибудь вкусное, вымыл руки и пошёл на кухню. Неожиданно раздался звонок в дверь. «Интересно, кто бы это мог быть?» – подумал Михаил.

Открыв дверь, он увидел на пороге своего старого друга, начальника областного МВД, и незнакомого мужчину, примерно лет сорока пяти, с усталым хмурым лицом.

– Здравствуй, Михаил, вот с другом в гости к тебе решили завалиться. Ты как, не против?

– Да ты что, Иван, когда я тебе не рад был, – ответил учитель.

– Кто знает? Времена меняются, – ухмыляясь, сказал начальник. – Познакомься, Николай Фёдорович Волгин, начальник областного уголовного розыска соседней области, мой старинный приятель, – продолжил он.

Мужчины пожали друг другу руки. Михаил пригласил их за стол, достал из холодильника различные припасы.

– Ты уж, Михаил, прости, что отрываем тебя от работы, но у нас к тебе важное дело, – начал Иван.

– Наверное, лучше, если дальше будешь рассказывать ты, – сказал он, обращаясь к Волгину.

– У нас в области произошло несколько странных преступлений. Как вы знаете, к началу учебного года школы получают учебники и хранятся они в школьных библиотеках, пока не розданы ученикам. Так вот, кто-то ночью стал вламываться в школьные библиотеки и устраивать там настоящий погром. Причём делал это так ловко и бесшумно, что поймать его не удавалось. Сначала решили, что это дело рук сумасшедшего, несколько раз делали засады, но это ни к чему не привело. И может бы это дело так и спустили на тормозах, если бы оно не привело к убийству. Был убит школьный сторож, фронтовик, друг моего отца, очень хороший человек. – При этих словах Волгин сильно сжал кулак. – После этого случая мы устроили засады во всех школьных библиотеках, проверили всех сумасшедших, но не добились никакого результата. И тогда Иван Леонидович предложил обратиться к вам. Он сказал, что вы гениальный сыщик.

– Ну, Иван Леонидович любит преувеличивать, – смущаясь, ответил Михаил. – Но всё-таки разрешите задать вам несколько вопросов.

– Да я на всё готов, лишь бы поймать эту сволочь, – яростно ответил начальник уголовного розыска.

– Во-первых, все ли учебники были одинаково беспорядочно разбросаны или каким-то из них было дано предпочтение? – спросил Михаил.

– Вы знаете, мы тоже задумались над этой деталью и пришли к выводу, что преступник больше интересовался учебниками географии 6 класса, – ответил Волгин.

– Очень интересно! – воскликнул учитель. – И ещё вопрос: как именно был убит сторож?

– Вот здесь и кроется самое загадочное. Сторож был убит по заключению экспертов смертельным приёмом джиу-джитсу. Такого в нашей области ещё не случалось, – сказал начальник уголовного розыска. Мы попросили помощи в КГБ, но их эксперты лишь подтвердили смерть от приёма джиу-джитсу, который входит в систему подготовки некоторых разведок, но ничего нового не сказали.

– А отпечатки пальцев и другие следы? – спросил Михаил.

– Абсолютно ничего, месяц топчемся на месте и, боюсь, никогда не сдвинемся.

– А работников склада и типографии проверяли? Может, кто-то что-то спрятал в одном из учебников.

– Проверяли досконально, никаких зацепок, – с грустью ответил Волгин.

– Ну что, Миша, возмёмся помочь Николаю? – встрял в разговор Иван.

– Хорошо, но мне и Генриху, это мой друг и коллега, нужен будет доступ ко всем материалам дела, а также какие-то полномочия, чтобы разговаривать с различными людьми.

– Нет разговора, ведь вы с Генрихом Николаевичем сотрудники МВД в отставке. Вот мы временно и восстановим вас на действительной службе, и с ГОРОНО⁴ мы сможем договориться, – сказал Волгин.

– Ну тогда считайте меня на службе, да и Генрих, я думаю, будет не против вспомнить старое, – сказал Михаил.

На следующий день, после уроков наши педагоги сидели на кухне у Михаила и обдумывали, с чего начать расследование этого необычного дела. Все трое: Михаил, Генрих и Зоя согласились с тем, что в один из учебников было что-то спрятано, но вопрос с какой целью. На этот вопрос ни у кого не было ответа.

– Я бы ещё мог понять, что кого-то пришли арестовывать, и он в порыве отчаяния сунул какую-то обличающую его вещь в книгу, но ведь точно известно, что никто из работников склада и типографии не арестован и никто никуда не пропал. Все они спокойно продолжают работать на своих местах. – Размышлял вслух Михаил.

– Я думаю, надо нам самим побывать на этих местах и посмотреть личные дела работников, – сказал Генрих.

Утром следующего дня поезд уже уносил их в соседнюю область. В областном УВД друзья получили удостоверения, причём Михаил попросил, чтобы в удостоверении было написано не уголовный розыск, а ОБХСС⁵.

– Так будет удобнее для расследования, – заявил он.

Зоя, по совету друзей, попросила удостоверение работника санэпидемстанции. Распаковав чемоданы и немного отдохнув на выделенной им служебной квартире, Михаил и Генрих пошли по объектам. Генрих направился в типографию, а Михаил на склад областного отдела народного образования, который распределял учебники по школам. Официальным предлогом их посещения было якобы расследование злоупотреблений в учёте продукции. Несколько позже эти предприятия посетила Зоя, как представитель санэпиднадзора. Вечером педагоги обменялись информацией, но не Михаил с Генрихом с их большим оперативным опытом, не Зоя с её острым женским взглядом не смогли заметить ничего подозрительного ни в личных делах работников, ни во внешности самих людей.

– Прямо тупик какой-то, – расстроено сказал Генрих. – Сочувствую я здешней милиции.

---

⁴ ГОРОНО – городской отдел народного образования.

⁵ ОБХСС – отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности, одно из подразделений советской милиции.

– А если проверить тех, кто приходил на эти объекты, скажем, в течение двух недель перед тем, как начались кражи? – задумчиво сказал Михаил.

– Но милиция уже проверяла этих людей и не нашла ничего подозрительного, – сказала Зоя.

– А всё-таки давайте мы тоже проверим их, – предложил Генрих.

Проверка этих людей Генрихом и Зоей не дала результатов и судя по хмурому виду возвратившегося значительно позднее их Михаила, его тоже постигла неудача. Как вдруг, развязывая ботинки, он засмеялся. Зоя и Генрих удивлённо взглянули на него.

– Представляете, разговариваю с одним парнем, трактористом из пригородного совхоза и не могу вспомнить, где я мог видеть его раньше. А видел точно – у меня хорошая память на лица. И только сейчас вспомнил. Как-то коллега по Интерполу показал мне плакат наподобие нашего: «Болтун – находка для шпиона», только там был изображён, по словам автора, сотрудник КГБ. Так вот этот тракторист точная копия того сотрудника КГБ с иностранного плаката. И мне пришла в голову интересная мысль, а вдруг кто-то из работников склада, а тракторист приходил именно туда, мог видеть такой плакат? – закончил Михаил.

И ты думаешь, что шпион, видя лицо с плаката, так испугался, что сунул какие-то материалы в первую попавшуюся книгу. Помилуй, Михаил, разве это возможно, как сказала бы Пелагея Дмитриевна, – возразил Генрих.

– В обычных условиях, конечно, нет, но ты представь себе, что он почему-то почувствовал «хвост», а тут ещё появляется воплощение идеального сотрудника КГБ в образе тракториста. Нервы вполне могли подкачать, – ответил Михаил. – Я считаю, нужно провести ещё одну проверку всех сотрудников, но не формально, лишь по документам, как делали до этого, а послать сотрудников туда, где они родились и проверить истинность их происхождения из этих мест, – закончил он.

К проверке подключились и работники областного МВД, и милиция в местах рождения проверяемых. Педагоги также решили принять в этом участие. Михаил, будучи на складе, заметил какую-то настороженность во взгляде одного экспедитора и решил заняться им лично. Приехав в Костромскую обл. в ... районный центр и побывав в школе, где учился экспедитор Владимир Иванович Веснин и в строительном техникуме, который он окончил, Михаил без особого труда установил, что их Веснин имеет лишь очень отдалённое внешнее сходство с настоящим. Родители Веснина умерли, других родственников он не имел. Сам же Веснин числился пропавшим без вести в 1944 году. Вернувшись к друзьям, Михаил рассказал им о своём открытии.

Педагоги решили организовать самую тщательную слежку.

– В общем, закупай побольше сахара и шоколада и тренируйся обходиться небольшим количеством воды, – смеясь, сказал Михаил, обращаясь к Зое.

– Да уж, никогда не забуду ваши тренировки, – ответила девушка.

Следили они плотно, сменяя постоянно друг друга, но неделя слежки ни к чему не привела. Генриху удалось незаметно получить отпечатки пальцев Веснина, но это ничего не дало, ни по каким уголовным делам он не проходил и в розыске не числился. В области гражданин с такими данными тоже был только один – их подозреваемый. Тогда по совету опытной Пелагеи Дмитриевны решили провести одну операцию.

Подозреваемый вышел утром из дома и направился к автобусной остановке и тут к нему подошла Пелагея Дмитриевна, одетая деревенской старушкой, и спросила: «Сынок, ты не скажешь, где тут живёт Владимир Иванович Веснин?»

Подозреваемый начал пугливо озираться по сторонам. И тут добавил огня Генрих: подойдя к экспедитору вплотную, он хлопнул его по спине и с блатной интонацией в голосе спросил: «Послушай, братан, не знаешь, как мне Вована Веснина найти?»

И тут оторопевший подозреваемый окончательно сломался. Оттолкнув в сторону вопрошавших, он бросился бежать, но ловко подставленная нога Пелагеи Дмитриевны помешала ему сделать второй шаг. Тут подоспели и Михаил с Зоей. Усадив задержанного в «Волгу», они, однако, повезли его не в МВД, а на свою квартиру, решив сначала допросить его сами. Допрашивать они умели. Не применяя никаких физических действий, Михаил и Генрих сумели нагнать на экспедитора такой жути, что он раскололся почти сразу. Хотя, возможно, здесь сыграла свою роль его постоянная жизнь в психическом напряжении. Природа не наделила Веснина способностями актёра, и чужая личность ему давалась тяжело. Оказалось, что зовут его так же, как настоящего Веснина – Владимир Иванович – вот только фамилия другая Кондратьев. В 1942, попав в окружение под Харьковом, он сдался в плен, затем служил в немецкой вспомогательной полиции. По его словам, в карательных акциях участия не принимал. В конце февраля 1945 Кондратьева вызвал к себе гауптман Вейзе, снабдил документами на имя Веснина и паролем для связи. С этими документами он ухитрился пройти проверку в «Смерше», чему способствовал, правда, его изнурённый вид (за месяц до этого Вейзе посадил всех отобранных им людей на голодную диету) и лёгкое ранение в руку, якобы полученное при побеге. Но за все прошедшие годы к нему с паролем никто не обратился и вопросы про историю с учебниками вызвали у Кондратьева искреннее удивление. Но Пелагея Дмитриевна, этот старый смершевский волк, мимо которого в своё время экспедитор вряд ли бы проскочил, почувствовала, что бывший немецкий полицейский что-то не договаривает.

– Вижу, по вашим глазам, что вам не терпится сообщить нам что-то важное. Не так ли? – сказала она, пристально глядя в глаза экспедитору.

– Не знаю, конечно, важно это или нет. Но такая история: живёт со мной в одном доме, но в другой квартире Никита Петрович Охлопков. Работает он водителем в типографии, которая вас интересует. Иногда мы вместе с ним пьём пиво, и есть у него такая привычка постукивать костяшками пальцев по столу, правда, он старается этого не делать, но иногда забывается. Такая привычка характерна для немцев. Я встречался с этим в Германии, – закончил экспедитор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.